

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Л. Аннинский. Ниязох. — Марина Палей, Фигурка на оголенном поле. — М. Кораллов. Надо жить долго. — С. Кормилов. Тогда и теперь.

ПОЛИТИКА И НАУКА

Сергей Яковлев. Слова и смыслы. — А. Володин. Мысль на весах истории. — В. Ягья. Изнанка императорского двора.

Литература и искусство

НИЯЗОХ

Грант Матевосян. Хозяин. Повесть. Перевод с армянского Анаит Баяндур. «Дружба народов», 1987, № 10.

От нескольких уже критиков я слышал, что «Хозяин» Матевосяна — художественно самое сильное в советской литературе произведение 1987 года. А 1987 год, опять-таки по мнению критиков, уникален по обилию неординарных книг. Вспомнив эти книги (они у всех на устах), читатель может представить себе, на какую высоту ставится, таким образом, повесть Матевосяна, пусть даже только по части «художественной». Я не мастак разбираться в этих материях. На мой взгляд, художественность не специальное качество, а эффект воздействия, и литература не имеет никаких художественных особенностей, потому что она вся — сплошная «художественная особенность». Однако в данном случае придется подойти к делу с формального конца.

Язык? Странная вязь, где взаимоотношающиеся, казалось бы, штрихи то и дело сближаются, сплетаются и перекрещиваются, и вы воспринимаете разом, что «дошурка» — «некрасивенькая» и «любименькая», ее папаша — «всемогущий коротышка», а строители, посланные им в горный Цмакут, «бессердечные, бездушные, безразличные, деятельные», похожи на преступников, милиционеров и спортсменов одновременно.

Эти оксюмороны не сливаются, а странно и остро сцепляются у Матевосяна. Вы видите даль и видите близь, но не средний план. Вы чувствуете глобальную катастрофу, на-

висшую над Цмакутом и над миром, вы все время разбираете подробности: какой-то старик жалуется, что у него куры теряют яйца, какие-то люди открывают бутылку водки «по случаю начала работ», лежит взорванный дуб, лошадь ищет знакомый родник и не находит. Ростом Мамиконян говорит: «Мы кофе не пьем и прочего разврата не допускаем», — а ему отвечают: «Что кофе пить — разврат, это мы поняли, а прочее что?»

Диалоги несут избыточную информацию; подтекст отвечает на подтекст; мысль прыгает через ближнее к запредельному; сцепляется не действие с действием, а реплика с репликой и деталь с деталью; вы слышите реплики, вы видите лошадиную морду, но действия людей вы воспринимаете как сквозь пелену. Как сквозь слезы или сквозь дурноту, подступающую обмороком, или сквозь захлеб застилающей глаза ярости.

Это не значит, конечно, что «средние планы» — фабула и действия людей — не продуманы у Матевосяна. Весьма продуманы хотя и смазаны. Ход событий восстанавливается в вашем сознании задним числом претотличнейше. Бригада строителей явилась в Цмакут строить для какого-то городского начальника особняк; местный начальник перед ними лебезит («руководитель объединенных хозяйств», ядовито называет его Ростом Мамиконян); повалены деревья (нужен стройматериал); перегоро-

жен ручей (нужна вода); взбаламучено село: кофе и водка, вопли и рапорты, барашки и шашлыки. Лесник Ростом Мамиконян, при всем безумии его рассказа о событиях, действует вполне последовательно. Протестует. Требуется бумага. Ищет тех, кто без разрешения свалил дуб. Ругается, дерется, взывает к совести. И даже, как Самсон в храме филистимлян, пытается обрушить навес над лесопилкой в соседнем селе Овите; в своем же селе, в Цмакуте (хотя для этого и нет параллелей в Библии), сооружает что-то вроде шлагбаума. Чтобы не пускать в село чужаков.

Оценим обе стороны конфликта.

Временщики и узурпаторы, нагрянувшие в Цмакут, вроде бы ясны: это хищники, бездельники, захребетники, повисшие на крестьянине. Актуально. «Эпоха гласности» кое-что высветила нам в «эпохе застоя»: загородные виллы и неофициальные поместья появлялись, надо думать, не только в Средней Азии, не только там цвела «теневая экономика». Матевосян продолжает ту разоблачительную работу, которую начали сегодня смелые наши публицисты: он «чистит землю». Конечно, это Матевосян, у него все неоднозначно; заметим, что не от «коротышки» начальника идет у него скверна, а от «некрасивенькой», «любименькой» дочурки его, во сне увидевшей переезд в деревню, к «озеру, рыбкам и цветам»... Но какие бы ангелы вокруг ни летали, в одном Матевосян тверд: пришлых захребетников в село пускать нельзя. А местных, здешних, коренных — крестьян, рабочих, жителей, — стало быть, надо защитить.

Уравнение с двумя неизвестными.

«Незнакомые, чужие люди, кто вас сюда звал?.. Это наше место, а не ваше! Ни родины для вас, ни совести, вредители, бессердечные варвары!»

Ростом Мамиконян, который кричит это, — фигура несколько чудаческая, но круг его идей (земских, что ли, местных) весьма логичен. В сегодняшней прессе можно найти и других проповедников такого земского права. Например, Юрий Черниченко в «Огоньке» пишет, что хозяевами данного куска земли являются местные жители, и прежде чем строить плотину с водохранилищем, надо спросить обитателей близлежащих деревень, хотят ли они, чтобы на их земле встала плотина и разлилось водохранилище. И Грант Матевосян ставит вопрос так же.

Однако его ответ не столь ясен, как может показаться. Ибо если вы воображаете, что перед вами апология малой родины, и

только, то вы ошибаетесь. Если вам кажется, что Цмакут — это решение вопроса, то это не так.

Вдумаемся. Чужие и свои. Своих защищает Ростом Мамиконян. Вообще-то он Саргсян, но княжеское имя взял себе от сознания важности своей миссии. И даже именуется себя во множественном числе: «мы посмотрели», «мы сказали», «должность лесника мы возвысили до высоты всадника». Грант Матевосян вообще легче мыслит от имени рода, чем от имени индивида, но в «Хозяине» он доводит это сознание почти до символического: его «всадник» ощущает себя предводителем рода, защитником народа, этнархом...

Но тут и начинается драма.

Полоумный лесник, расставив руки, пытается не пустить в село чужих, а в это время мимо его рук, через его жалкий шлагбаум стремительно разбегаются свои.

Он говорит «мы», а за ним никого нет.

Он охраняет сад, а за его спиной односельчане воруют яблоки, да не воруют — глумятся: надкусив — бросают!

Он охраняет село, а село вымирает, и последние крестьяне перебегают к пришлым строителям: тесать бревна, жечь костер, жарить шашлыки, выполнять указания.

Он охраняет лес; а свой брат мужик браконьерски рубит этот лес, пускает дрова налево, да еще в открытую жалуется, что покупателей мало: все на газ перешли.

Кстати, откуда взялся газ? Где вышки, где скважины, где нитка газопровода? На чьей земле все это устроено и кто устроил? А люди, жившие там, где газовщики разрыли землю, — они что, хотели, чтобы на месте их деревни, у озера с рыбками, стояли буровые вышки? А сам Ростом Мамиконян газом пользуется?

Его конь не может найти ручья. Вместо ручья всадник находит плотинку. Святотатство, самоуправство! Ростом Мамиконян пытается эту плотинку взорвать. Интересно, электроэнергией он пользуется? Нет? При лучине живет? А сам автор? Положим, я знаю, что «Мы и наши горы» написаны при свете дня, на ереванском балконе, на пишущей машинке без штепселя. А если их автор обзаведется электропишмашинкой? Откуда будет свет, если Ростом Мамиконян и другие жители взорвут плотины, построенные на их земле?

Кто же хозяин? Где пределы владений каждого? Как тут разделить, расцепить, когда все переплелось и все взаимозависимы? Ростом Мамиконян эти границы чертит. Лейтмотив повести: черта по земле.

Хоть прутиком нацарапанная. Проведет герой черту по земле и скажет: не смейте переступать, вы, овитовские, не заходите на нашу территорию. Взял и мостик через ручей сломал — чтобы из Овита в Цмакут не ходили.

Описывая этот подвиг, Матевосян замечает, что выше по ручью все равно стоит большой широкий мост.

А Ростом Мамиконян это знает? Еще бы. Сам говорит: «Наши поступки лишены смысла». А уж автор повести Грант Матевосян понимает все это куда яснее, чем его герой.

Так, может быть, я ломаюсь в открытые ворота?

Нет. Ворота закрыты. Хотя оград давно нет и мимо ворот ходят все кому не лень. Все понимая, все сознавая, Грант Матевосян воем воеет и криком кричит, потому что боль его страшней всяких соображений. Вопрос его повести не в том, построят или не построят в Цмакуте особняк для нездешнего начальника. Уже построили. И даже не в том, удержится ли народ в Цмакуте. Уже не удержался. Суть в том, как жить с сознанием, что все это произошло. Здесь загадка прозы Матевосяна. Секрет его художественности.

Кажется, я знаю, на что похожа его проза. Хотя знаю и другое: рискованно судить о художественном строении текста, который знаешь только в переводе. Анаит Баяндур ведь не калькирует оригинал — она его пересоздает; рисунок переводчика накладывается на рисунок автора; оба рисунка виртуозны; есть и оттенки; по мнению некоторых знатоков, гибкость, иногда вязь рисунка идут от перевода. оригинал шершавей, жестче и грубей там, что называется, не плетень, а каменная кладка. Или то и другое? Каменное плетение? Да! Проза Матевосяна — как х а ч к а р: прихотливая вязь сконцентрирована, обжата четырехугольником камня. Кажется, что Ростом с четырех сторон обрубил сюжет: вот наше, а прочее нас не касается. Не касается, но проступает: разбирая каменные письмены с близкого расстояния, вы знаете, что говорите — с вечностью.

Хачкар — надгробие. Матевосян пишет о близком, а думает о вечном. То и другое сближено.

В одной из бесед (в «Огоньке» с год назад) Матевосян сказал, что трагедия Цмакута произошла не в гражданскую войну и не в годы войны или послевоенной нищеты, трагедия произошла в годы «благополучия» — в 70-е годы. Именно тогда народ ушел с земли. Ничто извне его не под-

талкивало. Это страшно. Тут не свалишь ни на лихолетье, ни на козни тиранов, тут Административная Система (употреблю термин Г. Попова) действует без помех, по своим имманентным законам, и вопрос еще, что от чего: крестьянин ли подается в город, потому что его сманивает Система, или Система расцветает, когда крестьянин рад бросить работу на земле.

Матевосян видит этот слом вблизи. Город — близко. «Полковник милиции», символизирующий Систему, которая «приказывает со стороны», — он же деревенский парень, который вот же, на памяти Ростом Мамиконяна, ушел из Цмакута в город. Все сламывается на глазах — края слова теплые.

Сравнить с русской прозой. Двойник Ростом Мамиконяна, «лесной надзиратель» из платоновского «Чевенгура», когда являются к нему Копенкин и Дванов с мировым декретом все леса в округе вырубить немедленно, — платоновский герой тотчас подключается к глобальной идее: «Откуда вы? — думал надзиратель про большевиков. — Вы, наверное, когда-то уже были, ничего не происходит без подобия чему-нибудь, без воровства существовавшего»... Что-то марсианское, то ли в перевернутый бинокль, то ли из машины времени с выбитыми звеньями. Платонов с его сновидческой грустью и провидческим сомнамбулизмом кажется — по стилю — прямым предтечей Матевосяна, но какой контраст темпераментов: терпелив, задумчив платоновский человек, отвлекается, увлекается, в небеса залетает, с небес падает. Далеко все! Об одном плачут — так на другое рукой машут. Оплакивают деревню — город из сердца вон (Белов, Астафьев, Распутин). От сталинизма очищаются или от «ысенковщины» — так именно очищаются как от морока, наваждения: проснуться, отбросить — и все! О том что этот морок породило, знать не хотим: больше не повторится!

Для Матевосяна такая дистанция (дистанция времени, разума-забвения) немислима. Что значит «не повторится», когда на глазах происходит и повторяется ежемгновенно — распад души крестьянина, который своей земле не хозяин!

Не вернуться ли нам к проблеме «художественности»?

Когда читаешь «Детей Арбата» или «Белые одежды», внимание твое концентрируется на событиях, о коих рассказано: фокус — где-то за картиной, там, в реальности, где нечто произошло.

Когда читаешь «Хозяина», все соверша-

ется где-то «перед картиной», близко, в самой твоей сегодняшней душе, здесь и сейчас. Ты в ситуации слома, а не анализа, у тебя рефлексy работают, а не рефлексия.

Может быть, от этого наивное читательское сознание и полагает, что Ан. Рыбаков и Вл. Дудинцев делают упор, так сказать, на «содержании», а Г. Матевосян покоряет нас «формой». Да вы в корень зрите!

Драма «хозяина» — это ошутимость и неосуществимость вместе. Вот он, хозяин земли, едет на лошади и ругает чужаков: не ваш лес! мы его не от вас получили! А от кого? Далее следует ссылка на колхоз, который когда-то «посчитал, что это общее владение». Общее — значит, ничье? Следует ссылка на «царского лесника», от которого Ростом Мамиконян фантастическим образом ведет свое символическое право. При его «княжеской повадке» и манере говорить о себе «мы» возникает эффект почти балаганный: «мы, Николай Второй...» А где же «мы, род», «мы, Цмакут»? Нету. Эпос выворачивается наизнанку, герой оборачивается шутком, и не подумайте, что это разоблачение, — это именно сплетение вывороченных смыслов, ибо так серьезен может быть только шут. «...Среди всеобщего поголовного воровства, грабежа и прочего (а прочее, как мы знаем, — питье кофе. — Л. А.) Ростом Мамиконян один на своем белом коне стоит-красуется». То ли мир спятил, то ли он. Крутом чужаки! Самые же ненавистные среди чужаков — соседские, овитовские, слияние с которыми (в достопамятную пору укрупнения хозяйств) и есть главная заноза в памяти. Соответственно, главная реликвия — полуистлевшая Доска почета тех

времен, когда в Цмакуте было правление колхоза. И переходящее Красное знамя в углу стояло.

Выситя посреди земли всадник, пиджак на плечи наброшен, в пиджаке партбилет у сердца, сапоги — «как надел во времена товарища Сталина, так и не снимал до сегодняшнего дня»; кричит всем: «Вредители!» — и чувствует себя последним защитником народа, а народ, который еще не весь разбежался, над ним смеется — над этим «толстым стариком», который «святым заделался», «объявил себя Христом», «бельмом на глазу» стал у села.

Эпос навыворот. Хозяин наоборот. Вроде все похоже, а наоборот надо читать, «пo-турецки», по-дурацки, по-шутовски.

Воем-плачем оплакивает своего героя Матевосян, его, всадника, наставника, заступника, сверстника своего, когда-то мальчика военных лет, а теперь добровольного хранителя ничьей земли, его, чудака, его, героя... Я без преувеличения говорю — героя!

Героя вывернутого эпоса.

Когда же вы почувствуете, что у вас уже нет сил слышать этот вой-плач и терпеть эту невозможность очевидного, эту гибель души, уходящей-утекающей прямо из живого тела, если вашу собственную душу разрывает это зрелище и ни снести, ни объяснить себе это вы не можете, тогда шепните себе спасительное слово «художественность» — и все встанет на привычные места и утолится ваша печаль тем, что повесть Гранта Матевосяна «Хозяин» в прозе 1987 года всех превосходит «в художественном отношении».

Л. АННИНСКИЙ

ФИГУРКА НА ОГОЛЕННОМ ПОЛЕ

Георгий Калинин. Посреди зеленого поля. М. «Советский писатель». 1987. 280 стр.

Необщая судьба уготована была городу с первым камнем его основания, заложеным на Неве не только назло надменному соседу, но и здравомыслию природы. Неукротенные противоречия в истоке города, зарожденного вопреки, словно бы повлияли на особый жребий этого места, время от времени с такой упорной повторяемостью становящегося ареной «острого опыта» на человеке.

Поначалу этот опыт ничего не требовал от личности и проводился будто для того только, чтобы раз и навсегда отрезвить бедного Евгения, безжалостно продемонст-

рировав, что наша жизнь лишь «сон пустой, насмешка неба над землей». Почти через сорок лет после этого события (почти через тридцать после его гениального воссоздания) в городе возникает непреодолимый соблазн немедленно выяснить, «тварь ли я дрожащая или право имею», — и другой литературный герой приватно организует кровавый и нравственно мучительный эксперимент. И еще через семьдесят пять лет в красивейшем городе мира, призванном пестовать чувства самые высокие и утонченные, человек разумный, наивно доверивший защите цивилизации, ока-